

А. С. Гаан

Магистрант кафедры истории России, Уральский государственный педагогический университет; 620017, Российская Федерация, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: andreigaan4@gmail.com
Научный руководитель – д-р ист. наук, проф. М. В. Попов

**«ТЯЖЕЛА И НЕКАЗИСТА ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО СВЯЗИСТА»:
БЫТОВЫЕ И ТРУДОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ПИСЬМОНОСЦЕВ
В МАГНИТОГОРСКЕ В 1930-Х ГГ.**

Статья посвящена рассмотрению начального этапа становления почтовых учреждений в городе Магнитогорске в 1930-е годы через призму жизни и труда первых письмоноосцев. Автор обращается к социальным реалиям того периода, дает характеристику бытовых и трудовых условий работников почты. Используются неопубликованные ранее архивные материалы.

Ключевые слова: почта, индустриализация, уральские города, почтальоны, письмоноосцы, условия жизни, условия труда.

A. S. Gaan

Undergraduate Department of Russian History, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia
Scientific adviser – Doctor of History, Professor M. V. Popov

**«HEAVY AND HOMELY LIFE OF THE SOVIET COMMUNICATION WORKER»:
HOUSEHOLD AND LABOR CONDITIONS OF LIFE OF POSTMEN
IN MAGNITOGORSK IN THE 1930S**

The article is devoted to the consideration of the initial stage of the establishment of postal institutions in the city of Magnitogorsk in the 1930s through the prism of the life and work of the first postmen. The author turns to the social realities of that period, gives a description of the living and working conditions of postal workers. Used previously unpublished archival materials.

Key words: post, industrialization, cities in the Urals, postmen, scribes, living conditions, working conditions.

Политика советской индустриализации 1930-х годов предполагала целенаправленное создание новой промышленной зоны в восточных регионах СССР в рамках формирования военно-промышленного комплекса. В схеме социального расселения градообразующим фактором предполагалось промышленное предприятие, в случае Магнитогорска – Магнитогорский металлургический комбинат. Развитие моногорода, рассматриваемого как поселение при производстве, определялось именно производственными задачами, а не потребностями городского гражданского сообщества. [11, с. 186]. В основе дифференциации рабочих лежало подразделение на градообразующую и обслуживающую группу [11, с. 189]. Связисты относились именно к последней, и им предстояло выстроить систему связи практически с нуля.

Первый и наиболее важный вопрос, с которым пришлось столкнуться администрации учреждений связи в момент своего становления, был кадровый. Недаром ежегодно на протяжении всех 1930-х годов в приказах администрации почтовых отделений Магнитогорска присутствует вопрос о подготовке и переподготовке кадров. Инструктору по кадрам Бакаевой в январе 1932 года предписывалось «организовать декадник переподготовки газетноосцев и подготовить резерв 30 человек. В декадный срок организовать школу-курсы подготовить программу, наметить преподавателей и хозяйственно-учебную базу» [9, л. 12]. К 1935 году ученики курсов телеграфно-почтовых работников обеспечивались стипендией [12, с. 4], что еще раз свидетельствует, с одной стороны, о важности почты для города, с другой, о том, что существовала серьезная кадровая проблема, которая решалась на уровне Наркомата связи, ежегодно направлявшего на магнитогорское строительство почтово-телеграфных работников. Кадровый голод охватывал не только низовые звенья почты, но и руководящий состав [13, с. 4].

От работника почтового отделения требовалась не только соответствующая квалификация, но и хорошие коммуникативные способности, от которых зависела успешность и быстрота выполнения его служебных обязанностей. Понятие «квалификация» также включало в себя ряд параметров. Прежде всего, это высокая грамотность, так как приходилось иметь дело с надписями на письмах, бандеролях и посылках [2, с. 4]. Кроме того, необходимыми были знания в области географии, как современной, учитывая быстрорастущее городское пространство СССР, так и уже отмиравшей, жизнь которой поддерживало пожилое население, прибывшее в Магнитогорск. Письмоноосцы к тому же должны были обладать «поисковыми» навыками на местности и недюжинными физическими спо-

собностями. Последнее объяснялось строительной площадкой, которую представлял собой город. Например, автор заметки, помещенной в «Магнитогорском рабочем», вопрошал «Где эта улица, где этот дом?» и писал, что головоломки, подобные этой, «чуть ли не каждый день приходится разрешать <...> письмоносам» [3, с. 3]. Автор одной заметки с горечью замечал: «Напрасно вы окидываете глазами белеющие стены бараков. Они ни о чем не говорят. А если и говорят, то не о том, о чем нужно». Даже в протоколе заседания Президиума Магнитогорского Городского совета от 7 августа 1937 года говорилось: «...наименование улиц и нумерация в городе <...> находится в неудовлетворительном, хаотическом состоянии» [8, л. 31]. Проблема существовала, и город пытался ее решить.

Учитывая вышесказанное, отбор претендентов на должности в почтовых отделениях Магнитогорска был достаточно строг, хотя и преломлялся на существующие реалии и острый дефицит не просто квалифицированных кадров, но и просто грамотных людей. Постоянные кадровые перебои объяснялись вполне прозаично. Прежде всего, это естественная миграция населения города, как в сторону увеличения, так и убытия. Этот общий процесс не мог обойти стороной и почтовые отделения. Средняя продолжительность пребывания служащего на Магнитострое в 1930-х годах не превышала 188 дней [11, с. 190]. Например, в 6-м почтовом отделении за 9 месяцев 1934 года уволились 68 человек, а еще 40 сотрудников ушли из 10-го почтового отделения, отработав неделю-месяц [7, с. 4]. Естественно, что данные обстоятельства делали штат письмоносцев неустойчивым и демонстрировали слабую закрепляемость на новых местах.

Кроме того, возникало естественное желание квалифицированного работника на высокую заработную плату. Но она в почтовых отделениях оставляла желать большего и была средней, если не сказать низкой, для учреждений Магнитогорска – от 60 до 120 рублей [16, с. 285]. Правда, существовали всевозможные доплаты за знание иностранного языка, работы в ночное время, компенсации за ненормированный труд [9, л. 43]. Но это не решало общей проблемы.

Условия труда связистов были тяжелыми. Круг обязанностей был достаточно объемным. Уже в одном направлении получения и отправки корреспонденции: ее необходимо было получить на железнодорожном узле, разобрать полученные сообщения, рассортировать по участкам, подсчитать и записать по форме в соответствующую книгу, доставить корреспонденцию получателю. При этом четкое разделение труда в отделениях связи отсутствовало [8, л. 6].

Учитывая, что горожане получали и отправляли каждый месяц к 1937 году около миллиона различной корреспонденции, газет, посылок [6, с. 4], виден, с одной стороны колоссальный рост населения Магнитогорска, а с другой, огромный объем прделываемой работы. Как следствие, и без того вымотанные работники связи сталкивались с не менее уставшими (от работы и от бытовой неустроенности) горожанами. В данном случае приходилось находить максимум выдержки и такта, особенно если случалась нештатная ситуация. Анализируя публикации газеты «Магнитогорский рабочий», можно свидетельствовать, что нештатных ситуаций было предостаточно, а выдержка обеих сторон оставляла желать лучшего [1; 4; 5]. Чаще всего дело заканчивалось скандалами и руганью. Здесь следует иметь в виду, что для жизни в городе характерны вторичные, а не первичные контакты. Как правило, горожане видели друг друга в очень сегментарных ролях – рабочий, письмоносец, телеграфист, телефонист, радиотехник и так далее. Контакты в городе, даже происходившие лицом к лицу, были безличны, поверхностны и мимолетны. Построенные на совместной выгоде, такие отношения вынуждали горожан рассматривать их лишь как средство достижения цели, что объясняло возникшие сложности.

Узловая проблема была напрямую сопряжена с трудовой дисциплиной работников почты. Нарекания в их сторону на страницах газет звучали едва ли не еженедельно. Круг претензий включил в себя все недовольство подписчиков, начиная с единичной неровной доставки газет письмоносами и заканчивая срывом подписной кампании в целом [14; 15]. Нечуткое отношение к запросам населения, незнание элементарных почтовых операций, грубое отношение к посетителям – вот с чем повседневно приходилось сталкиваться горожанам при взаимодействии с почтой. Это неудовлетворение было абсолютно обоснованным. Тяга населения к печати и бытовым новостям, которые приносили письма, была огромна.

Плохие жилищные условия, отсутствие медицинского обслуживания, слабая работа средств связи (и для связистов тоже) были рядовыми явлениями. Наиболее тяжелая ситуация наблюдалась на новостройках вроде той, что кипела в Магнитогорске. Здесь процветали неразбериха и неустройство, сказывалась нехватка продуктов питания, отсутствовали элементарные бытовые удобства, медицинская помощь. В таких условиях шансы власти привлечь квалифицированные кадры, особенно в отдаленные районы (коим был Урал в целом), сводились к нулю. Связисты требовали более сложного мотивирования, чем простое принуждение.

Баракы, в которых связисты проживали, были переполнены и часто плохо отапливались, во многих отсутствовала столовая. Обыденностью были грязные полы, стены и, как следствие, постоянное возникновение различных инфекций. Построенные наспех, баракы со временем разрушались. Речи не было ни о полноценном ремонте, ни об элементарном оштукатуривании помещения [10, л. 15-18]. На декабрь 1931 года размер жилплощади на одного человека составлял в среднем 2,3 кв. м., в 1932 – 2,5 кв. м., к 1938 – 3 кв. м [11, с. 190].

Практически все связисты находились на самообеспечении и, чтобы хоть как-то «выживать», регулярно занимались огороднической деятельностью. А тех, кто не желал этого делать, специальными приказами в выходные дни отправляли «на прополку огородов» [8, л. 22]. Для большей эффективности выращивания овощей организовывались целые огородные артели. Позднее Газетно-почтовая дирекция озаботилась созданием крольчатника и свинарника «для повседневного улучшения быта» [9, л. 62]. Особо отличившиеся работники, а также те, кто имел на себе иждивенцев, могли рассчитывать на получение продуктовых карточек, так как были включены в государственную экономическую систему. Те же, кто мог позволить себе заплатить аванс за последующее получение еды, существенно расширяли свой рацион до употребления мяса, масла, капусты, моркови и арбузов [9, л. 37]. Как видно, вопрос собственного снабжения был достаточно насущным для работников связи в 1930-е годы.

Итак, связистов относили к обслуживающей группе специалистов, остро стоял вопрос материальной заинтересованности, поскольку уровень заработной платы не позволял сохранять устойчивость кадрового состава связистов, дефицит которых приводил к практике принудительных «перебросок» на Магнитострой. Усиление трудовой дисциплины в учреждениях путем ужесточения трудового законодательства, рост показателей реализации печатной продукции стали основными условиями наиболее эффективного использования трудовых ресурсов. Условия жизни связистов продемонстрировала последствия диспропорции экономического развития и беспрецедентного сокращения социальных расходов. Как следствие, большая часть решений о материальном стимулировании работников осталась невыполненной. Связисты требовали более сложного мотивирования, чем простое принуждение. Однако дефицит времени и ресурсов только подталкивал власть к применению целой серии различных политических, экономических и социальных мероприятий, которые часто не имели успеха.

Литература

1. Артамонов В. Магнитогорску – образцовую связь // Магнитогорский рабочий. – 1937. – 8 октября.
2. Брак в работе почты и телеграфа // Магнитогорский рабочий. – 1937. – 17 сентября.
3. Как работает магнитогорская почта // Магнитогорский рабочий. – 1937. – 11 февраля.
4. Карамышев В. Недоставленная телеграмма // Магнитогорский рабочий. – 1937. – 10 сентября.
5. Лимаренко Н. Спустя два месяца... // Магнитогорский рабочий. – 1935. – 5 июня.
6. Магнитогорск в цифрах // Магнитогорский рабочий. – 1937. – 11 октября.
7. Малинин А. О работе почты // Магнитогорский рабочий. – 1934. – 5 декабря.
8. МКУ «Магнитогорский городской архив» (МКУ МГА). Ф. 42. Оп. 1. Д. 2. Приказы Магнитогорской Газетно-почтовой дирекции за январь–ноябрь 1932 г. 42 л.
9. МКУ МГА. Ф. 42. Оп. 1. Д. 3. Приказы Магнитогорской Газетно-почтовой дирекции за июнь 1932 г. – февраль 1933 г. 64 л.
10. МКУ МГА. Ф. 42. Оп. 7. Д. 12. Годовой баланс по капитальным вложениям Магнитогорской городской конторы Министерства связи. 42 л.
11. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции. Челябинск, 28-29 ноября 2009 г. / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 571 с.
12. Объявление // Магнитогорский комсомолец. – 1935. – 17 мая.
13. Объявление // Магнитогорский рабочий. – 1937. – 26 марта.
14. Организовать бдительный пролетарский контроль над доставкой газет и журналов // Магнитогорский рабочий. – 1933. – 6 марта.
15. Телеграммы должны доставляться немедленно! // Магнитогорский рабочий. – 1937. – 26 июня.
16. Труд в СССР. Статистический справочник / под ред. А. С. Попова. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/23157>.